

DOI: 10.25178/nit.2024.1.10

ГОЛОСА АЗИИ

Статья

Дом бытия полилингвальных личностей (интервью с Т. Г. Боргояковой и З. А. Кучуковой)

Улданай М. Бахтикиреева

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

Многолетнее изучение множественной языковой идентичности инонационально-русских полилингвальных личностей подвели автора (этническую казашку) к выводу о необходимости изучения отдельных «языковых биографий». Каждый конкретный кейс — это уникальная мировоззренческая позиция. Проецирование отдельного опыта на лингвокультурное состояние конкретного этноса предоставляет возможность осмыслить общее через частное, встроенность миноритария в общий социальный контекст. В настоящей работе посредством интервьюирования представлен опыт осмысления не единичного языкового бытия полилингвальных личностей: этнической хакаски (Т. Г. Боргояковой) и балкарки (З. А. Кучуковой), филологов, ученых, по базовому образованию — германистов (английский язык), родившихся в СССР, ныне живущих в разных республиках Российской Федерации.

Исследование направлено на выявление индивидуального для осмысления типического. Сопутствующей целью является познание своего не единичного языкового бытия путем сравнения с опытом интервьюируемых. Беседы показывают, что этническая и языковая идентичность могут не совпадать, но при этом личность с не единичной языковой идентичностью, с глубокой мировоззренческой позицией не впадает в позицию «жертвы», не позволяет себе допускать ни виктимных lamentаций, ни пессимизма, ни какого бы то не было негативизма, противостояния, «ярости». Напротив, их иноязыковое бытие — достойные примеры конструирования позитивных жизненных моделей самоощущения, преодолевающих несправедливость и несовершенство окружающей действительности.

Ключевые слова: языковое бытие; иноязыковое бытие; билингвизм; множественная языковая идентичность; языковая биография; русский язык; родной язык; беркутёнок

Для цитирования:

Бахтикиреева У. М. Дом бытия полилингвальных личностей (интервью с Т. Г. Боргояковой и З. А. Кучуковой) // Новые исследования Тувы. 2024, № 1. С. 276-290. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.18>

Бахтикиреева Улданай Максutowна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10А, каб. 283. Эл. адрес: uldanai@mail.ru

BAKHTIKIREEVA, Uldanai Maksutovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University. Postal address: Off. 283, 10a Miklukho-Maklay St., 117198 Moscow, Russia. Email: uldanai@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5088-7568

House of being of multilingual personalities: interview with T. G. Borgoyakova and Z. A. Kuchukova

Uldanay M. Bakhtikireeva

RUDN University, Russian Federation

A long-term study into the multiple linguistic identities of foreign-speaking multilingual people led the author, an ethnic Kazakh, to the conclusion that it was necessary to study the individual “linguistic biographies” of these people. Each individual case represents a unique worldview. Projecting the individual experience onto the linguistic and cultural status of a particular ethnic group allows us to understand the general through the specific, the embeddedness of minorities within the general social environment. In this work, the experience of comprehending the non-singular linguistic existence of multilingual individuals is presented through interviews with two individuals: ethnic Khakass T. G. Borgoyakova and Balkar Z. A. Kuchukova, both philologists and scientists who have a basic education in German, and who were born in the former Soviet Union and now live in different regions of the Russian Federation.

The research aims to identify the individual’s typical linguistic behaviour by comparing it with that of the interviewees. It also aims to understand the interviewer’s non-singular linguistic existence by comparing it with the experience of the interviewee. Conversations reveal that ethnic and linguistic identities may not always coincide. However, a person with a unique linguistic identity who has a strong worldview position does not feel like a “victim” and does not allow themselves to be victimized, pessimistic, or negative. Instead, they see their foreign language as an opportunity to construct positive life models and self-perceptions that transcend the injustices and imperfections of their surroundings.

Keywords: *linguistic existence; multilingual existence; bilingualism; multiple language identity; language biography; Russian language; native language; berkutenok*

For citation:

Bakhtikireeva U. M. House of being of multilingual personalities: interview with T. G. Borgoyakova and Z. A. Kuchukova. *New Research of Tuva*, 2024, no. 1, pp. 276-290. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.18>

Введение

Научный интерес к творческой билингвальной — инонационально-русской — личности на протяжении более трех десятков лет обусловил два моих диссертационных исследования (1995, 2005)¹ и ряд опубликованных работ, в частности — интервью с Мадриной В. Тлостановой², Анатолием А. Кимом (Бахтикиреева, Валикова, 2020), и научных статей, посвященных (ино)языковому бытию: Олжас О. Сулейменов (Бахтикиреева, 2011), Бахыт Г. Каирбеков (Бахтикиреева, Шагимгереева, 2020), Елена И. Зейферт (Бахтикиреева, 2016). Думаю, что этот интерес укреплялся благодаря процессу смены классического знания на постнеклассическое, опирающееся на дискретность, плюрализм локальных

¹ Бахтикиреева У. М. Художественные функции лексики с национально-культурным компонентом семантики в романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день»: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1995; Бахтикиреева У. М. Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва: дис. ... д. филол. наук. М., 2005.

² Улданай Бахтикиреева. Встречи с Мадриной [Электронный ресурс] // Тамыр. № 1(30), 2012. С. 3–13. URL: <https://tamyr.org/?p=1771> (дата обращения: 05.12.2023).

истин и допущения пристрастности самого исследователя¹ (Степин, 2003: 634, 636, 662, 679–680). Качественный скачок постнеклассического периода развития науки сделал возможным изучение объекта анализа в качестве субъекта. Ссылаясь на М. М. Бахтина, В. С. Степин особо отмечает этот факт:

«М. М. Бахтин довольно точно подметил эти специфические особенности методологии естественного и гуманитарного знания. “Точные науки, — писал он, — это монологичная форма знания: интеллект созерцает вещь и высказывается о ней. Здесь только один субъект — познающий (созерцающий) и говорящий (высказывающийся). Ему противостоит только безгласная вещь. Любой объект знания (в том числе человек) может быть воспринят и познан как вещь. Но субъект как таковой не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно, познание его может быть только диалогическим”» (Степин, 2003: 668; курсив мой. — У. Б.).

Устойчивость моего желания продолжать научные исследования в этом проблемном поле усиливается не только в силу необходимости изучения моей этнически нерусской, но преимущественно русскоязычной личности, но и за счет личностного пристрастия — постоянного стремления осмыслить своё лингвистическое бытование, не единичное, а множественное языковое бытие. Являясь продуктом «советской креолизации», этнической казашкой (казахский язык относится к коренным языкам РФ), родившейся в Оренбуржье и, соответственно, формировавшейся в силу асимметричного взаимодействия казахской, русской и советской культур преимущественно в русскоязычном языковом и культурном континууме, у меня не было острой нужды с такой же частотностью использовать язык народа, к которому принадлежу по праву рождения. Сфера его использования в детские и школьные годы была сужена до разговоров с родителями, разговоров и чтением казахских книг с дедушкой Бахтыгереем. Не удивительно, что в моём лингвистическом багаже доминирующим /доминантным во всех сферах использования языка стал русский.

И это вполне закономерно, ведь, любой народ, не сумевший в историческом процессе самостоятельно отстоять свою независимость, «обречен», как минимум, на двуязычие ради своего выживания в полиэтничном социуме, в границах новой метрополии. (Здесь я не затрагиваю профессиональные и разные социальные признаки, которые подверглись у некоторых этносов изменениям или наслоениям на имевшиеся.). Вполне закономерной неизбежностью является и другой лингвистический факт: любое государство в своей языковой политике поддерживает язык государственный, объединяющих все разноязыкие этносы и этнические группы в единый социум. И такое положение дел нередко нас, представителей не титульных этносов, приводит к позиции «жертвы», ощущению второстепенного положения. Собственный опыт преодоления «обида» за положение своего языка и культуры для меня также показательный пример.

Таким образом, мой казахский, несмотря на владение устной и письменной речью с раннего детства, по репертуару уступает русскому в силу несрабатывания «закона частотности» его использования в разных сферах. Приобретенный язык — английский, невзирая на наличие диплома переводчика и использование его на протяжении нескольких десятков лет в основном в научных целях, безусловно, тоже проигрывает русскому по той же причине. Для перехода казахского или английского из субдоминантной / подчиненной позиции в доминирующую необходима мотивация, поскольку именно мотивационные предпочтения конкретного человека определяют которому из языков играть партию «первой скрипки».

Итак, получается, что *ана тілі* (казахск.) ‘язык материнский’ — не есть дом моего бытия, если отталкиваться от ставшего уже хрестоматийным выражения М. Хайдеггера: «Язык — Дом бытия» (кото-

¹ В. С. Степин писал: «Постнеклассический тип научной рациональности расширяет поле рефлексии над деятельностью. Он учитывает соотношенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Причем эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями» (Степин, 2003: 634). «Современная наука — на переднем крае своего поиска — поставила в центр исследований уникальные, исторически развивающиеся системы, в которые в качестве особого компонента включен сам человек. Требование экспликации ценностей в этой ситуации не только не противоречит традиционной установке на получение объективно-истинных знаний о мире, но и выступает предпосылкой реализации этой установки. Есть все основания полагать, что по мере развития современной науки эти процессы будут усиливаться. Техногенная цивилизация ныне вступает в полосу особого типа прогресса, когда гуманистические ориентиры становятся исходными в определении стратегий научного поиска» (там же: 636).

Фото 2. Зухра Ахметовна Кучукова.
 Фото из архива З. А. Кучуковой.
 Photo 2. Zuhra Akhmetovna Kuchukova.
 Photo from the archive of Z. A. Kuchukova.

Фото 1. Тамара Герасимовна Боргоякова.
 Фото из архива Т. Г. Боргояковой.
 Photo 1. Tamara Gerasimovna Borgoyakova.
 Photo from the archive of T. G. Borgoyakova.

рое, кстати говоря, понимается мной не буквально, не в отрыве от философской концепции немецкого философа). Но живу с постоянным ощущением «беркутёнка в моем подъязычии», о котором писал русскоязычный поэт, этнический бурят Намжил Нимбуев¹, имея в виду свой этнический язык.

Поиски ответов на вопрос о собственном неоднозначном языковом бытовании и в общем инационально-русской личности подвели меня к выводу о том, что исследований, посвященных изучению русской языковой личности (далее — РЯЛ), накоплено немало (Караулов, 2010; Бубнова, 2015; Бурмакина, 2021; Шапошникова, 2022; и др.²). Сейчас уже можно констатировать факт наличия нарратива о РЯЛ в русском языкознании. Личность же дву(много)язычная, в данном случае — инационально-русская — пока остается на периферии актуальных дебатов в современной гуманитаристике, и в частности — российском лингвистическом дискурсе. Тем не менее, отсутствие постоянно действующей контекст³-площадки не делает билингвальную личность *quod ignotum*. Представляется, что активизация обсуждений, посвященных *двуязычному «нацмену»* (выражение Г. Д. Гачева, см.: Гачев, 1988: 37), возможна при окончательном преодолении постулатов, выстроенных теорией языковых контактов и билингвизма в изводе советского периода, например, своего рода симулякры — тезисы: о «двух родных языках», равноправии всех наций и языков, носящий сугубо идеологический характер и т. п. (Сулейменова, 2011: 53–66).

Как творческих би(поли)лингвальных личностей, к которым я обращалась в своих работах, так и коллег, которых я могу назвать соавторами данной работы, Тамару Герасимовну Боргоякову и Зухру Ахметовну Кучукову отношу к типу личностей, воспринимающих свою этническую культуру извне и снаружи, крупномасштабно, в силу их кросс-культурного личностного и научно-профессионального бытия.

Тамара Герасимовна Боргоякова (фото 1) — авторитетный лингвист, профессор, доктор филологических наук, директор Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии

¹ Нимбуев Н. Русский язык // Стреноженные молнии. Стихи. Переводы. Проза. М.: Галерея «Ханхалаев», 2003. С. 79.

² См. также: Млечко Т. П. Русская языковая личность в поликультурном пространстве ближнего зарубежья : дисс. ... докт. филол. н. М., 2014.

³ Контекст — зд. дискуссия, обсуждение, спор.

Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан, Республика Хакасия РФ) и профессор кафедры зарубежной лингвистики и теории языка того же вуза.

Зухра Ахметовна Кучукова (фото 2) — известный ныне литературовед, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и мировой литературы, Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова (г. Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика РФ).

Личное знакомство, как и знакомство с научно-профессиональной деятельностью моих нынешних респондентов — соответственно этнической *хакаска*, проживающей и работающей в столице Республика Хакасия, и этнической *балкарки*, проживающей и работающей в столице Кабардино-Балкарской Республики, а по базовому образованию обеих — германистов, позволяет мне определить их, прежде всего как субъектов культур этносов, к которому они относятся по праву рождения. Их вполне могли волновать те же вопросы, ответы на которые я пыталась сформулировать для своего личного и профессионального бытования. Осмысление не единичных языковых идентичностей героев всех моих интервью, думаю, предоставляют возможность понять, как конкретная жизненная траектория — индивидуальное бытие встроено в социальный контекст. Таким образом, основная цель настоящего проекта состоит в выявлении индивидуального для осмысления типического — в обнаружении общего в частном опыте. Сопутствующая цель — познание своего языкового бытования путем сравнения с опытом интервьюируемых.

Именно поэтому статья строится как диалог с каждой из них, обсуждение волнующих нас вопросов. После чего осуществляется попытка сформулировать актуальность изучения инонационально-русской языковой личности с не единичной, нередко и множественной языковой идентичностью. Основной используемый метод интервью¹ — метод сбора информации для исследования, основывающийся на получении письменных ответов респондентов на вопросы интервьюера в рамках темы обсуждения (январь 2024 г.). Сам характер работы обусловил также необходимость использования автором таких методов самопознания, как: рефлексия, самонаблюдение, самоанализ, самокритика, самооценка.

Опыт разработки проблемного поля

Нельзя сказать, что волнующие меня вопросы были предметами только собственного изучения, ныне уже кандидаты наук — мои бывшие аспиранты: Е. Н. Кремер (Россия), С. А. Гринберг (Беларусь), Л. П. Дианова (Россия)² и др., исследовавшие иноязыковое бытие билингвальной личности, выстраивали свои диссертационные проекты, уже опираясь на монографию М. М. Ауэзова (Ауэзов, 1997). Именно благодаря М. М. Ауэзову, прежде всего, мне самой удалось преодолеть экзистенциальный конфликт «гадкого утенка», по Э. Д. Сулейменовой (Сулейменова, 2006: 15–26), между своей этнической и языковой идентичностями.

Объективности ради, следует особо отметить, что М. М. Ауэзов использует термин «языковое инобытие» (Ауэзов, 1997: 82). Я его определяю как «*иноязыковое бытие*», имея в виду под этим термином то же самое, что и М. М. Ауэзов, т. е. бытие одной сущности через другое, но усиливая первую смысловую часть: *иной (не этнический) язык*. Опираясь таким термином как «маргинальная личность», М. М. Ауэзов имеет в виду личность пограничную — би(поли)лингвальную, появление которой неизбежно при взаимодействии различных языков и культур. Рассматривая литературное бытие разных «подчиненных» народов на языке метрополии (напр.: ирландскую на английском и др.), он обосновывает обусловленность появления творческих би(поли)лингвов — поэтов, писателей, ученых. С деятельностью таких личностей, считает М. М. Ауэзов, существенно связано состояние

¹ Формат интервью основывается на полученных письменных ответах респондентов: Т. Г. Боргояковой и З. А. Кучуковой на отправленные по электронной почте вопросы интервьюера — У. М. Бахтикиреевой. Вся переписка хранится в личном архиве интервьюера и респондентов. В период между вопросами и ответами мы обменивались мнениями в ходе телефонных разговоров.

² Кремер Е. Н. Проблемы русско-инонационального билингвизма (языковая и этническая идентичность билингвальной личности): автореф. ... канд. филол. наук. М., 2010; Гринберг С. А. Белорусско-русский художественный билингвизм в когнитивно-дискурсивном и лингвокультурологическом аспектах: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011; Дианова Л. П. Русский язык в речевой культуре билингвов: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011; Шагимгереева Б. Е. Переводческая стратегия билингвального автора: на материале переводов Бахыта Каирбекова с казахского языка на русский: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2021.

ситуации с этническим языком в определенные исторические периоды, её негативная или позитивная перспектива. Этот особый тип личности воспринимает этническую культуру «как бы извне, со стороны и потому — крупномасштабно. В случае сознательной ориентации на участие в судьбах этой культуры она обладает ценнейшей предрасположенностью к целостному осмыслению её состояния и перспективы в соотношении с другими культурами» (Ауэзов, 1997: 108), что, кстати сказать, удачно продемонстрировано в новейших работах, в частности — тувинских исследователей (Дагылга: тувинские ..., 2021; Ламажаа, 2021; Тувинцы : Родные ... 2022; Тува : Родная ... , 2023). «Благодаря этому качеству они неоднократно исполняли в истории роль активных деятелей как в развитии одной, отдельно взятой культуры, так и в процессе её взаимосвязей с другими культурами» (там же).

Пограничная ситуация, как отмечает М. М. Ауэзов, обуславливает различие таких понятий, как *сознание этнической принадлежности и национальное самосознание*. «Подлинно творческая личность с глубокой мировоззренческой позицией в маргинальной ситуации восходит к национальному самосознанию, преодолевая в себе двойственную неопределённость маргинальности. Национальный язык в этом случае становится объектом, на повышение общественной роли которого направлены его усилия, хотя в собственной практике он может предпочесть тот язык, которым лучше владеет как средством достижения своих мировоззренческих целей» (там же: 208–209).

На сегодняшнем этапе своего бытования полагаю, что выражение научного и личностного мировоззрения на более витальном языке — языке титульного народа — осознанная необходимость, несмотря на возникающие в разные периоды жизни ощущения его вторичности по отношению к четко позиционируемой этнической идентичности. Жизненно важной для меня стала необходимость владения этим языком на всех его уровнях (от фонетического до синтаксического) и использования во всех сферах его применения, а главное — делать то, что ты можешь для позиционирования себя как представителя своего этноса, для поддержания своего этнического языка на этом, более витальном и распространенном языке. Да, мой казахский «беркутёнок» количественно уступает по сферам использования доминирующему языку. Из этого не следует, что границы моего этнического языка ограничиваются сферой разговорно-бытовой, межличностной, однако реализация себя на языке науки, искусства или нормативно-законодательных актов и в других сферах использования казахского языка не обходится без основательной, предварительной работы с соответствующими академическими словарями. Так зачастую и бывает, что подготовка научного выступления в казахской аудитории требует время-затратной и кропотливой работы.

Значит ли это, что подобный опыт способен закрепить в долговременной памяти научные термины, специальные клише на этническом языке? Конечно, нет, если частотность использования тех или иных лексических единиц не доведена до автоматизма как в случае с приобретенным языком, поскольку для этого нет жизненной необходимости. Отсюда и не закреплённость тех или иных лексических единиц в долговременной памяти. Следует ли отсюда, что в природе не встречаются амбигвты? Предполагаю, что практически нет, если речь идет обо всех сферах использования языка. Даже В. В. Набоков, «совершенно владея с младенчества и английским, и французским», писал о муках «перевоплощения», когда в 1940 году он «решил перейти на английский язык» как язык творчества¹.

Социализация би(поли)лингвов

У. М. Бахтикиреева (далее — У. Б.): *Возникал ли на вашем жизненном пути вопрос иноязыкового бытия? Не было ли ощущения (некоторой) вины за не владение этническим языком на том же уровне, что и доминирующим — русским? Не винули ли в этом сложившуюся языковую ситуацию и языковую политику?*

Т. Г. Боргоякова (далее — Т. Б.): *Чтобы ответить на заданные вопросы, начну со своей языковой биографии.*

¹ «Долголетняя привычка выражаться по-своему не позволяла довольствоваться на новоизбранном языке трафаретами, — и чудовищные трудности предстоявшего перевоплощения, и ужас расставания с живым, ручным существом ввергли меня сначала в состояние, о котором нет надобности распространяться; скажу только, что ни один стоящий на определенном уровне писатель его не испытывал до меня» (см.: Набоков В. Другие берега: сборник. М.: Кн. Палата, 1989. С. 18).

Мои родители были репрессированы (раскулачены) в 1930 году. После ссылки и принудительных работ отца на шахтах Иркутской области семья жила в Красноярске, откуда отец ушел на фронт. Вернувшись, он нашел маму с двумя детьми у ее родителей в хакасском аале. Начинать новую жизнь решили в только присоединившейся соседней Туве, куда отца пригласили экономистом в районной потребкооперации в г. Чадан. Там прошло мое детство и школьные годы.

Население было смешанным — преимущественно русские и тувинцы. Хакасская диаспора состояла из примерно 20 семей — друг друга они знали, вместе отмечали праздники и говорили по-хакасски. В семье родители тоже чаще говорили на родном. Однако за пределами семьи везде использовался русский. В отдельных русской и тувинской средних школах были соответственно два языка обучения. В русской школе тувинского компонента в те годы не было вообще.

В результате я выросла билингом с пассивным знанием хакасского языка (на уровне понимания), но с убеждением, что он мой родной язык. В то же время было и понимание, что для взрослой жизни и успешной социализации у меня есть русский язык, язык большинства и власти, более привычный для меня во всех видах речевой деятельности. Выбор Иркутского института иностранных языков для поступления совпал было с выбором испанского, но отец, хорошо знавший географию, в том числе по дорогам войны, привел аргументы в пользу прагматической выгоды изучения английского как основного.

После вуза начала преподавать английский в Абаканском пединституте (ныне — ХГУ). Планы поступления в соответствующую московскую аспирантуру были изменены под влиянием Михаила Ивановича Боргоякова, возглавлявшего тогда сектор языка в ХакНИИЯЛИ и говорившего: «Тысячи людей по всему миру исследуют английский язык, а в хакасском языкознании нет ничего, например, по фразеологическому разделу и некому этим заниматься!»

По итогам моего изучения практически всего фонда художественной литературы, изданной к тому времени на хакасском языке (кроме героических сказаний), был собран и впоследствии издан хакасско-русский фразеологический минимум, апробированный, прежде всего, на муже и его многочисленных родственниках, прекрасно владеющих родным языком. В результате этой работы значительно обогатился мой словарный (в основном пассивный) лексический запас хакасского языка, но еще появилось осознание удивительного богатства его выразительных средств. Например, негативная оценка зависти и завистливого человека очень емко отражается в фразеологизмах *ic̄ti k̄ōjče* ‘внутренность горит’ или *ic̄ti чоx* ‘без внутренности’. Тяжесть переживаний от разлуки передается через фразеологическую единицу *naap хурупча* ‘печень высыхает/засыхает’, а испытать трудности *хара к̄ōjе чалгирҕа* ‘черную сажу/золу лизать’ и т. п.

Следом возник тревожный вопрос о причинах и перспективах его будущего, что привело меня в поле языковой политики и билингвизма, а затем к теме докторской диссертации, посвященной проблемам развития социальных функций государственных тюркских языков Южной Сибири (в Институте языкознания РАН в 2002 г.¹). В ней приводятся горькие размышления и вопросы ушедшего из жизни классика хакасской литературы, автора прекрасных поэм и романов М. Р. Баинова о тревожных симптомах языкового сдвига в хакасском языке, на которые он не находит ответа: «Кто виноват? Есть ли силы и способы остановки этого процесса? Может быть это идет свыше? Ведь подобное происходит и с другими языками ... Или это наша судьба?»²

Для изучения международного опыта остановки языкового сдвига выиграла грант и прошла научную стажировку в университете Аризоны (США) в 2003 г. под руководством профессора П. Гилмор. Там смогла улучшить научный и разговорный уровень английского, с одной стороны, и убедиться, что западный опыт контактов миноритарных (автохтонных) доминантных языков оказался печальнее, чем опыт развития хакасско-русского билингвизма — с другой. В то же время познакомилась с авторитетными зарубежными работами, посвященными проблематике языкового сдвига, что поддерживает мой интерес к теории и практике языковой политики, языковой (не)справедливости и би-, полилингвизма. Это привело к значительно более активному уровню владения родным хакасским языком, как на разговорном, так и официальном уровне общения.

¹ Боргоякова Т. Г. Развитие социальных функций государственных тюркских языков республик Южной Сибири : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002.

² Там же. С. 218.

С учетом интенсивности и качества моего нынешнего билингвального бытия языковой функционал русского компонента значительно превосходит хакасский компонент. Здесь речь идет, наверное, больше об инструментально-прагматической весомости и ценности русского языка, как языка рационального «хлеба насущного», как архиважного инструмента адаптации и встроенности в широкое и важное российское и экс-советское социальное пространство. «Языком сердца» или языком этнической идентичности для меня остается хакасский язык. Возможно осознание реальной опасности / угрозы, нависшей над его будущим сегодня и в исторической перспективе, обостряют эту мою глубинно-сердечную привязанность к родному языку, которая побеждает осознание инструментально-функциональной ограниченности его бытования в моей личной и профессиональной жизни. Это понимание его хрупкости и беззащитности живет в подсознании, тревожит и заставляет снова и снова пытаться глубже понять тенденции, перспективы и резервные механизмы укрепления витальности таких языков. Это как, если бы кто-то тяжело заболел в семье, все остальные бы стали прилагать все усилия для его лечения и спасения.

Сожалею ли я том, что недостаточно хорошо / бегло владею родным языком? Конечно, да, и виню в этом, прежде всего, себя. Виню ли языковую политику в области определенного и явного государственного принижения / пренебрежения миноритарными этническими языками в течение долгих лет? Тоже да. Это признание вины государств за неадекватность его языковой политики по устранению несправедливости по отношению к языкам коренных народов в прошлом представлено, например, в материалах, посвященных объявленному ООН Международному году и Международной декаде языков коренных народов (2022–2032).

З. А. Кучукова (далее — **З. К.**): У каждого человека своя уникальная языковая биография, предопределенная судьбой, историческим временем, жизненными обстоятельствами. Как сказал Стивен Келлман, «every translanguing person is translanguing in its own way». В моем случае выражение «иноязыковое бытие» сразу хочется заменить на «полиязыковое бытие», которое сопровождает меня всю жизнь. Судите сами. Родилась в 1960 году в семье кавказских спецпереселенцев в Казахской ССР, в Целиноградской области, которую в тот период вполне могли бы назвать и «Вавилонской областью», поскольку она была заполнена разноплеменными «колумбами» — невольными покорителями целинных земель. Среди друзей моих родителей были русские, украинцы, немцы, греки, чеченцы, ингуши, я слышала их речь, их песни. На особом счету был казахский язык, который в силу общетюркских корней, нами, балкарцами, воспринимался как «двоюродный» язык, понятный приблизительно на 70%.

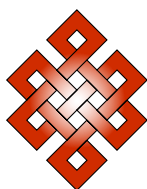
В шестилетнем возрасте, в 1966 году, будучи полноносителем родного и русского языков и законченным «интернационалистом», я перебралась на Кавказ в дедовский дом, который по иронии судьбы располагался в кабардинском селе Нижняя Жемтала¹. В Жемтале как-то совершенно незаметно для себя я выучила кабардинский язык, относящийся к адыго-абхазской группе. Вот что значит чистая языковая среда и юный возраст, идеальный для освоения нового языка!

Еще одно наречие, которое в детстве постоянно звучало в моих ушах и «стояло» перед моими глазами в виде книжных полок — это был арабский язык, которым отлично владел мой дед — священнослужитель (мулла, эфенди). Он постоянно читал, писал и как вокалист исполнял ближневосточные песенные поэмы, попутно переводя каждый куплет на родной балкарский язык для слушателей. Помню, как меня завораживали эти виртуозные кодовые переключения.

В довершение ко всему я закончила романо-германский факультет Кабардино-Балкарского государственного университета (отделение английского языка).

Бесспорно, над всеми перечисленными мной языками, как Эльбрус над Большим Кавказским хребтом, всегда возвышался русский язык. Констатирую, в моем сознании всегда доминировал не родной, а русский язык (хотя есть нюансы). Чувства личной вины или обиды на политиков за это у меня никогда не было, поскольку тем же дедом мне было привито фаталистическое мировоззрение, подкрепленное этическим принципом «Пиши обиды на песке, а благодарения — на камне!» Но с годами я стала больше прислушиваться к другому своему любимому «деду» — философу Георгию Дмитриевичу Гачеву (1929–2008), который считал, что в мире нет «лишних этнокультурных единиц» и

¹ Был период, когда балкарским репатриантам властями было запрещено возвращаться в свои прежние труднодоступные высокогорные аулы, и они обосновывались в равнинных кабардинских селениях. — *З. К.*

мы, разумные люди, должны делать все от нас зависящее для того, чтобы сохранить в целости «все-человеческий оркестр» языков и национальных культур.

У. Б.: *Насколько я знаю, ваши родители владели этническим языком. Как относились ваши родители к сложившейся языковой ситуации в период вашего детского и последующего становления? Не ощущали ли вы сожаления ваших родителей, дедушек и бабушек по данному поводу? Повлиял ли опыт ваших отцов и / или матерей на формирование вашего лингвистического багажа на этническом языке?*

Т. Б.: В родительском доме, как я уже отмечала, использовался хакасский язык. Помню, что отец делал замечания, если дети переходили на русский. Однако у них было понимание, что живем не в Хакасии и что язык образования и будущего у детей — русский. Но основа родного языка, заложенная в детстве, очень помогла мне вернуть язык из пассивного этническогоклада в активный в плане инструментальной ценности тоже. Сегодня я горжусь тем, что мне удалось его вернуть хотя бы в таком усеченном, но активном варианте.

З. К.: Поколение моих родителей, а также дедушек-бабушек по праву можно назвать героическими этнофорами, поскольку они умудрились даже в условиях депортации сохранить свой родной язык. Яркий тому пример — балкарские поэты Кайсын Кулиев (1917–1985) и Танзиля Зумакулова (р. 1936), которые вопреки репрессивным мерам (было время, когда официально нельзя было публиковаться на родном языке!), вернулись из мест выселения с готовыми высококачественными рукописями на родном языке.

Наше поколение попало в промежуток «золотой середины», когда русская культура была в большом почете, но и престиж родных языков еще сохранялся, особенно в горных аулах. Напомню, в школе мне не довелось изучать балкарский язык. Колоссальное влияние на меня оказал языковой опыт бабушки-дедушки, от которых я узнавала не только архаичные слова верхнебалкарского цокающего (нелитературного) языка (диалекта), но и фольклорные тексты, приметы, присказки, суеверия, поговорки, поговорки.

Особо ценное мое приобретение — древнебалкарская (а может, древнетюркская?) версия таблицы умножения, производимая пальцами рук. К примеру, я до сих пор использую в речи слово *кишти-кен* 'паук', которого вообще нет в словаре. Или фразеологизм *кзула тюзде*, трактуемый просто как 'в далеком, смертельно опасном месте', дед объяснял с апелляцией на трагический факт из далекой истории — «на Куликовом поле».

Резюмирую: в моем конкретном случае отец и мать были исключены из числа наставников; в кабардинской школе, естественно, вообще не изучался балкарский язык, но весь этот дефицит с лихвой компенсировался добротными языковыми уроками дедушки и бабушки.

«Беркутёнок» в нас

У. Б.: *Как вы полагаете «беркутёнок» имеет место быть в вашем языковом сознании, прорывается ли он в вашей речи, в каких случаях?*

Т. Б.: Я бы сказала, что «беркутёнок» расправляет крылья и летит, когда я нахожусь среди родственников и друзей в хакасско-язычной культурной среде, когда понимаю и наслаждаюсь исполнением хакасских песен и героических сказаний, когда сама как полноценный человек могу уверенно встать и поделиться с окружающими мыслями / чувствами на родном языке.

З. К.: Нимбуевский «беркутёнок» крепко сидит в сердцевине моего артикуляционного аппарата. У него свои особенности: он говорит только на цокающем диалекте, с иронией относится к балкарскому литературному языку, особенно к газетно-журнальным публикациям, поскольку это сплошная калька с русского языка, с искусственными фразами, типа «*кафедраны заведующийси*» или «*стимулла эм гарантияла*». Как видите, тут даже перевод не нужен. В балкарском (тюркском) языке можно найти десяток лексических единиц с семантическим значением «глава», «заведующий» (*башчы, тамата, орунбасар* и др). Но журналисты не утруждают себя поиском эквивалентов.

И еще насчет «беркутёнка» отмечу такой феноменальный момент: со своими детьми в пору их младенчества какая-то инстинктивная, иррациональная сила заставляла меня говорить только на балкарском языке, мне почему-то казалось, что никакого другого языка они не поймут. Как будто это говорила не я, а условный «беркутёнок». Но, скажу я вам, это длится только до детского садика. Как

только дети «привязываются» к общественному учреждению, мы все дружно переходим на русский язык — официальный язык межнационального общения.

У. Б.: *Согласны ли вы с мнением Мурата Мухтаровича Ауэзова о том, что инонационально-русская билингвальная личность воспринимает этническую культуру крупномасштабно?*

Т. Б.: Да, согласна. Думаю, дело не только в масштабе, а в умении / способности оценить ее глубину и уникальность благодаря взгляду как бы извне, отстраненно — так, как не могут сделать монолингвы. Билингвальная личность — это и бикультурная личность, более продвинутая и открытая миру, новым языкам и культурам. К сожалению, часто этого не понимают родители, принимая за своих детей решение не передавать им родной язык, обрекая их на чувство неполноценности от осознания обедненности их неродного монойзычия. Судьба / участь миноритарных этносов быть би-, полилингвами и, если одним из компонентов является/сохраняется родной язык, то это великое благо, приносящее максимальные дивиденды/выгоды (моральные, интеллектуальные / эмоциональные), позволяющее уверенно лететь с двумя крыльями и быть не беркутёнком, а сильным свободным беркутом.

З. К.: Абсолютно согласна. Расул Гамзатов в «Моем Дагестане» пишет: «Плох тот орел, который никогда не вылетает из гнезда в дальние просторы. Плох и тот орел, который, улетаая в дальние края, не возвращается в свое родное гнездо!». Если эту орнитогенную метафору развернуть в сторону лингвистики, выходит, что монолингв — плохо, и космополит — плохо, а вот хороша би-, полилингвальная личность, которая после освоения нескольких разносистемных языков со знанием дела приступает к изучению «онтологии и техники» собственного языка. Ауэзовское определение «крупномасштабно» идеально подходит к данному случаю. Если бы я не знала несколько языков, вряд ли смогла написать свою книгу о балкарских метакодах, выраженных через оригинальные языковые формулы. Все же умозаключения построены на сравнениях-сопоставлениях горских реалий с другими языками, без этого как научишься различать универсальное и уникальное, вселенское и локальное? Кстати, основоположник нашей национальной литературы Кязим Мечиев (1859–1945), кроме родного языка, знал арабский, персидский и целый «веер» тюркских языков, но как же он жалел, что не знал русского! Но для полноты картины тут следует привести справедливейшее мнение Нины Шалвовны Александровой о том, что «монолингвальная личность сохраняет язык, билингвальная содействует взаимодействию!».

У. Б.: *Кстати сказать, Мурат Мухтарович смог ревитализировать свой этнический язык. Его казахская речь и последняя книга на казахском свидетельствует, с моей точки зрения, о высоком уровне этим языком, которым могу только восхищаться. По крайней мере, речевые тексты, которые удавалось услышать, научные и литературно-публицистические тексты можно было бы поставить в пример и для казахоязычных ученых. Как вы считаете, может ли билингвальный индивид в достаточно зрелом возрасте активизировать этнический язык до уровня доминирующего — русского? Для этого должны быть какие-то критерии?*

Т. Б.: Прежде всего это зависит от мотивации. Думаю, что может и приведенный Вами выше пример это подтверждает. Я тоже знаю такие примеры. Чаще это случается, если была возможность полного погружения в родную языковую среду и затем — возможность использования в определенной сфере особенно в профессиональной, приносящей определенные эмоциональные или прагматические дивиденды. В результате человек обретает новый уровень языкового бытия с взаимодополняющими двумя родными языками.

З. К.: Всем нам, «нерусским россиянам», потратившим молодые годы на «странствия в дальние края», следовало бы повторить академический подвиг Мурата Ауэзова и с высоты своего опыта в зрелом возрасте заняться постижением своих родных «языковых гнезд». В нашей республике знаю одного такого профессионального ученого-билингва-русоведа, который поставил перед собой цель и довел до совершенства владение родным языком. По его словам, начать надо с малого: приучить себя с носителями балкарского языка разговаривать только на балкарском, не переходя на более привычный и легкий в плане общения русский язык. Критерий или «контрольный тест» свободного владения родным языком один — если к вам после конференции с микрофоном в руках подошел корреспондент из местной студии телевидения или радиокомитета с предложением экспромтом дать интервью, вы с радостью соглашаетесь, поскольку у вас нет проблем с языком научного самовыражения. Пока я больше вижу капитулянтов, которые слезно умоляют поговорить на русском или просто, молча, убегают.

Профессиональное бытие

У. Б.: Ваше профессиональное бытие имеет ли целью повышение общественной роли этнического языка и культуры? Расскажите об этом подробнее.

Т. Б.: Да, имеет, и я рада этому обстоятельству. Мне по-прежнему важно понять причины, последствия, механизмы и перспективы языкового (не)равенства, чтобы по возможности предупредить от неверных решений в локальной языковой политике, снова ведущих к чувству разочарования, пессимизма и обреченности. Надо ведь еще продержаться, особенно языкам, имеющим официальный статус на региональном уровне, т. к. появились позитивные изменения в языковой политике на международном, российском и региональном уровне — они дают надежду на развитие активного билингвизма.

З. К.: Современные дети растут с ощущением, что их национальные языки неполноценные, профнепригодные, имеют очень ограниченное культурное пространство.

Простой пример. Я, как репетитор английского языка, на одном из уроков, ломая шаблон, прошу школьника перевести английский текст не на привычный русский, а на его родной — балкарский. Первая реакция — смех, смущение. Ребенку кажется, что это несовместимые категории, что слабая «мускулатура» его родного языка не вытянет тяжесть и прелесть английских высказываний. Тот же ступор в вузе, если на семинаре по зарубежной литературе предложишь студенту рассказать о философской идее трагедии «Фауст» Гёте на кабардинском или балкарском языке. Итог: мало-помалу, с помощью педагога и «беркутёнка» (куда ж без него!) студенты начинают другими глазами смотреть на экспрессивные возможности родных языков.

Другой эффективный метод повышения престижа национальных языков в глазах детей — слово авторитетного человека со стороны. Так нашим первокурсникам надолго запомнился организованный 9 марта 2020 г. в КБГУ научный «семинарий» Улданай Максutowны Бахтикиреевой, т. е. ваш, где речь шла об актуальности срочно составлять каталог базисных аксиологем родного языка, «овнешнять» формулы приветствия, метакоды, названия созвездий, определять их внутреннюю связь с менталитетом этноса.

Столь же впечатляющей была и встреча с полиглотом, экспертом по состоянию национальных языков в РФ — Алексеем Андреевичем Арзамазовым (20 мая 2021 г.) Студенты часто цитируют его слова. Кабардинцам он сказал: «Учите свой родной, красивейший, мета-метафорический язык, в котором каждое слово расцветает как роза!» К балкарцам он обратился с таким призывом: «Вам неслыханно повезло! Выучив свой родной, балкарский, вы будете знать двадцать шесть тюркских языков!».

Я же, обычно, пробуждая совесть молодых космополитов (а также спящих в их подъязычьях беркутят), задаю им риторический вопрос: «Эх, вы, даже птицы умудряются сохранить свой язык, а вы?»

Контекстуальная обусловленность разных подходов к изучению множественной языковой идентификации

Как мне представляется, ответы Т. Г. Боргояковой и З. А. Кучуковой, репрезентирующие их частные, индивидуальные «языковые биографии», показывают их мировоззренческие позиции в отношении не только собственно языкового бытия, но и транскультурного бытия конкретного этноса. Транскультурное бытие этнически нерусской личности зачастую остается за рамками российской лингвокультурологии, формулирующей основания своей работы так: «Известно, что человек только тогда становится человеком, когда он с детства усваивает язык и вместе с ним культуру своего народа. Все тонкости культуры народа отражаются в его языке, который специфичен и уникален, так как по разному фиксирует в себе мир и человека в нем» (Маслова, 2010: 3).

Первое же предложение делает сомнительным «человеческий облик» этнически нерусского человека, коими являются мои нынешние респонденты и предыдущие, и я. Такое видение, основанное на ложном основании, преломляется в работах начинающих исследователей и ведут их заведомо к логической ошибке *petition principii*. Отсюда и появление диссертации, в которой русскоязычная, транскультурная литература — в частности — произведения армянской русскоязычной писательницы Наринэ Абгарян представлены «русской современной художественной литературой»¹. В целом приве-

¹ Грунина Е. О. Языковая личность ребенка в русской современной художественной литературе (на материале романов Н. Абгарян) : дисс. ... канд. филол. наук. М., 2022.

денный фрагмент из «Лингвокультурологии» В. А. Масловой невольно подводит к выводу о том, что его автор в процессе написания работал в рамках примордиалистской теории, основанной на понимании не дисперсного, но компактного проживания конкретного этноса на автохтонной территории испокон веков по сию пору.

Другое впечатление производят работы ученых, в которых сформулированы смыслообразующие идеи для обозначенного в этой работе проблемного поля. Фокусирование внимания И. А. Бубновой и В. В. Красных на перспективах комплексного подхода к изучению современного человека в совокупности его индивидуально-психических характеристик отвечает моим поискам:

«<...> комплексный анализ, не игнорирующий как культурные реалии, так и данные об образах мира в различных группах, может, на наш взгляд, служить достоверным источником для прогнозирования развития событий в критические для того или иного лингвокультурного сообщества моменты. <...> такой подход позволяет исследовать проблему этнического своеобразия, идя не только от культуры, но и от человека во всей его целостности, учитывая все стороны его жизнедеятельности. Более того, как нам представляется, такой подход отвечает требованиям сегодняшней реальной жизни, так как дает возможность объяснять своеобразие поведения человека и всего народа не только с точки зрения культурных доминант того или иного этноса, но и исходя из индивидуальности отдельных членов лингвокультурного сообщества» (Бубнова, Красных, 2014: 134–135).

Как этнокультурное, так и эпистемологическое многообразие конкретного человека, микро- и макросоциумов требует выработки адекватного методологического инструментария. Позиции, обозначенные И. А. Бубновой и В. В. Красных десять лет назад, расценивается мной как *контекстный текст*, целью которого является преодоление методологических затруднений и повышения эффективности научных исследований в вопросе индивидуальных особенностей отдельной личности, онтологии ее бытования, в том числе — би(поли)лингвальной личности, инонационально-русской.

Основополагающей для изучения такой личности считаю работу «Языковая биография личности» крупного ученого Вяч. Вс. Иванова в его книге «Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему», изданной двадцать лет назад (Иванов, 2004). В ней он обозначает параметры исследований в данном направлении: от развития новорожденного (и даже эмбрионального развития) до «геронтологической лингвистики» (условное название). Анализируя яркие особенности языковой биографии известных творческих личностей, учёный отмечает актуальность исследований языковых периодов, иллюстрирующих разные времена в жизни человека, оставившего о себе словесные свидетельства, в том числе отдельные трагические повороты его языковой судьбы (там же: 124–127).

Другая работа, представляющая интерес, это монография Т. П. Млечко, в которой обосновывается актуальность изучения «языкового портрета». Выявление типологических черт РЯЛ в соотношении с десятилетними преобразованиями языкового пространства в Молдове после распада единой культурно-исторической советской общности (Млечко 2013: 330–336) производится ученым в лицах конкретных прототипов, живущих в реальной языковой действительности ближнего зарубежья с присущей ему внеязыковой действительностью (там же: 363–420). Это еще одно свидетельство о динамике би(поли)лингвальных и транскультурационных процессов на постсоветской территории, когда уже этнически русский человек испытывает необходимость в дву(много)язычной коммуникации.

Полагаю, что *комплексный подход* к изучению своеобразия поведения человека и всего народа, исходя из индивидуальности отдельных членов лингвокультурного сообщества — миноритариев (И. А. Бубновой и В. В. Красных), *языковой портрет* личности (Т. П. Млечко) тесно коррелируют с понятием *языковая биография личности* Вяч. Вс. Иванова. Как эти, а также другие, и в том числе мои, посвященные онтологии иноязыкового бытия отдельных личностей выкристаллизовывают актуальное мета-направление, преследующее цель — изучение индивидуальных особенностей отдельной личности. Конечно, не каждый миноритарий в частности — в силу не владения этническим языком во всех сферах его использования может влиять на решение этнического большинства, как влияют своей профессиональной деятельностью и личностным мировоззрением Т. Г. Боргоякова и З. А. Кучукова. Однако каждый миноритарий обладает собственным «пакетом акций», который необходимо учитывать при конструировании модели целого этноса. Контекстуальная обусловленность представленных подходов позволяет расценивать их как *контекстные тексты*, от которых можно и нужно оттолкнуться, осмыслить и переосмыслить, и создать дискурс, расширяющий, превосходящий сегодняшние возможности теории языковых контактов и би(поли)лингвизма. Ведь,

таким путем еще фиксируется и доказывается витальность / жизнеспособность русского языка функционировать в качестве языка межэтнического общения, транснационального и языка мирового.

Заключение

Обе мои собеседницы (Т. Г. Боргоякова и З. А. Кучукова) еще раз убедили меня в справедливости вывода о том, что этническая и языковая идентичность могут не совпадать, но при этом личность с не единичной языковой идентичностью, с глубокой мировоззренческой позицией не впадает в позицию «жертвы», не позволяет себе допускать ни виктимных lamentаций, ни пессимизма, ни какого-бы то не было негативизма, противостояния, «ярости». Напротив, их иноязыковое бытие — достойные примеры конструирования позитивных жизненных моделей самоощущения, преодолевающих несправедливость и несовершенство окружающей действительности.

С коллегами и моими последователями, заинтересованными в продолжении этого исследовательского маршрута, я готова сотрудничать с целью познания особенностей инационально-русской би(поли)лингвальной личности — его субъектности, как и собственной субъектности, в многоэтническом российском социуме. И каждый отдельный опыт следует расценивать как объективный документ, живой голос, озвучивающий заметную интеллектуальную «немоту» в описании русскоязычной нерусской личности. Каждый должен быть услышан и вовлечен в диалог. Тем более, что обстоятельства, складывающиеся на этом этапе развития науки, актуализируют необходимость сохранения, возрождения, качественной трансформации гуманитарного измерения в науке, системе образования и в обществе в целом.

Благодарности

Мне хотелось бы выразить свое глубокое уважение моим респондентам, любезно согласившимся ответить на волнующие меня вопросы: Тамаре Герасимовне Боргояковой и Зухре Ахметовне Кучуковой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ауэзов, М. М. (1997) Иппокрена. Хождение к колодезю времен. Алматы : Жибек жолы. 170 с.
- Бахтиреева, У. М. (2011) «Но людям я не лгал...» К 75-летию Олжаса Омаровича Сулейменова // Вестник РУДН. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. № 3. С. 5–17.
- Бахтиреева, У. М. (2016) О транслингвизме и транскulturации через призму одной языковой биографии // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. № 2(50). С. 76–80.
- Бахтиреева, У. М., Валикова, О. А. (2020) «Собиратель слов»: интервью с Анатолием Кимом // Полилингвистичность и транскulturальные практики. Т. 17. № 2. С. 271–278. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-2-271-278>
- Бахтиреева, У. М., Шагимгереева, Б. Е. (2020) Языковое бытие творческой личности: Бахыт Каирбеков // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке Т. XVII. Вып. 1. С. 83–89.
- Бубнова, И. А. (2015) Эволюция русской языковой личности // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. № 3 (19). С. 34–41.
- Бубнова, И. А., Красных, В. В. (2014) Неопсихоллингвистика: аргументы в защиту национально-культурного своеобразия // Вопросы психоллингвистики. № 3 (21). С. 128–135.
- Бурмакина, Н. А. (2021) Философия русской языковой личности: от гуманизма к трансгуманизму (постановка проблемы) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. Т. 10. № 5А. С. 125–131.
- Гачев, Г. Д. (1988) Национальные образы мира. М. : Советский писатель. 448 с.
- Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке (2021) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 188 с.
- Иванов, Вяч. Вс. (2004) Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. М. : Языки славянской культуры. 208 с.
- Караулов, Ю. Н. (2010) Русский язык и языковая личность. М. : Издательство ЛКИ. 264 с.
- Ламажаа Ч. К. (2021) Очерки современной тувинской культуры. СПб. : Нестор-История. 192 с.

Маслова, В. А. (2010) Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 4-е изд., стер. М. : Издательский центр «Академия». 202 с.

Млечко, Т. П. (2013) Русская языковая личность ближнего зарубежья. Кишинев : Славянский университет Республики Молдова. 437 с.

Степин, В. С. (2003) Теоретическое знание. М. : Прогресс — Традиция. 744 с.

Сулейменова, Э. Д. (2006) Архетип «гадкого утенка» и языковая идентичность // Язык и этническая идентичность: Международная конференция «Ахановские чтения» под эгидой МАПРЯЛ (Материалы докладов и сообщений) / отв. ред. Э. Д. Сулейменова. Алматы : Қазақ университеті. 362 с. С. 15–26.

Сулейменова, Э. Д. (2011) Языковые процессы и языковая политика. Алматы : Қазақ университеті. 117 с.

Тува : Родная земля (2023) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны, Ч. Х. Санчай ; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.

Тувинцы : Родные люди (2022) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны : под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 360 с.

Шапошникова, И. В. (2022) Русская языковая личность в актуальной диахронии: новая база ассоциативно-вербальных данных (2014–2021) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 648–665. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-648-665>

Дата поступления: 30.01.2024 г.

Дата принятия: 05.02.2024 г.

REFERENCES

- Auezov, M. M. (1997) *Hippocrene. Journey to the Well of Time*. Almaty, Zhibek Zhol. 170 p. (In Russ.).
- Bakhtikireeva, U. M. (2011) “But I Didn’t Lie to People...” On the 75th Anniversary of Olzhas Omarovich Suleimenov. *RUDN Bulletin. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics*, no. 3, pp. 5–17. (In Russ.).
- Bakhtikireeva, U. M. (2016) On Translingualism and Transculturation Through the Prism of One Language Biography. *Sotsial’nye i gumanitarnye nauki na Dal’nem Vostoke*, no. 2(50), pp. 76–80. (In Russ.).
- Bakhtikireeva, U. M. and Valikova, O. A. (2020) “Word Collector”: Interview with Anatoly Kim. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 17, no. 2, pp. 271–278. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-2-271-278>
- Bakhtikireeva, U. M. and Shagimgerieva, B. E. (2020) Linguistic Being of a Creative Personality: Bakhyt Kairbekov. *Sotsial’nye i gumanitarnye nauki na Dal’nem Vostoke*, vol. XVII, issue 1, pp. 83–89. (In Russ.).
- Bubnova, I. A. (2015) Evolution of the Russian Language Personality. *Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Series: Philology. Language Theory. Language Education*, no. 3 (19), pp. 34–41. (In Russ.).
- Bubnova, I. A. and Krasnykh, V. V. (2014) Neopsycholinguistics: Arguments in Defense of National-Cultural Specificity. *Voprosy psikholingvistiki*, no. 3 (21), pp. 128–135. (In Russ.).
- Burmakina, N. A. (2021) Philosophy of the Russian Language Personality: From Humanism to Transhumanism (Problem Statement). *Kontekst i refleksii: filosofii o mire i cheloveke*, vol. 10, no. 5A, pp. 125–131. (In Russ.).
- Gachev, G. D. (1988) *National World Images*. Moscow, Sovetskii pisatel’. 448 p. (In Russ.).
- Daghylga: Tuvan Rituals of Consecration in the 21st Century* (2021) / Ed. by Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 188 p. (In Russ. and Tuv.).
- Ivanov, Vyach. Vs. (2004) *Linguistics of the Third Millennium: Questions to the Future*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul’tury. 208 p. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (2010) *Russian Language and Language Personality*. Moscow, LKI Publishing House. 264 p. (In Russ.).
- Lamazhaa Ch. K. (2021) *Essays on Modern Tuvan Culture*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 192 p. (In Russ.).
- Maslova, V. A. (2010) *Linguaculturology: Textbook for Higher Education Students*. 4th ed., rev. Moscow, Academy Publishing Center. 202 p. (In Russ.).
- Mlechko, T. P. (2013) *Russian Language Personality in the Near Abroad*. Kishinev, Slavic University of the Republic of Moldova. 437 p. (In Russ.).
- Stepin, V. S. (2003) *Theoretical Knowledge*. Moscow, Progress — Tradition. 744 p. (In Russ.).

Suleimenova, E. D. (2006) Archetype of the “Ugly Duckling” and Language Identity. In: *Language and Ethnic Identity: International Conference “Akhanov Readings”* under the auspices of MAPRYAL (Materials of Reports and Messages) / Ed. by E. D. Suleimenova. Almaty, Kazakh University. 362 p. Pp. 15–26. (In Russ.).

Suleimenova, E. D. (2011) *Language Processes and Language Policy*. Almaty, Kazakh University. 117 p. (In Russ.).

Tuva: Native Land (2023) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Yu. Kuzhuget, Sh. B. Mainy, Ch. Kh. Sanchai ; ed. by Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 344 p. (In Russ.).

Tuvans: Native People (2022) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Yu. Kuzhuget, Sh. B. Mainy : ed. by Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 360 p. (In Russ.).

Shaposhnikova, I. V. (2022) The Russian Language Personality in the Current Diachrony: a New Associative-Verbal Database (2014–2021). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 13, no. 3, pp. 648–665. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-648-665>

Submission date: 30.01.2024.

Accepted date: 05.02.2024.